

Александр ЕЛКОВ «ПОКУДА КНИГИ НАСЕЛЯЮТ СВЕТ...»

Год рождения 1926-й

И мы вошли
во фронтовые сводки.
И мы прошли
в колоннах головных.
Ужель и нас
на перекличке-сходке
так мало ныне
числится в живых.
Как сказано,
и наше поколение
единым мановением руки
вводилось срочно
в виде пополнения
в ударные бригады и полки.
И нас бросало
слово полководца
под пулеметы на исходе дня.
И нас пронзило
горечью сиротства
у трепетного
Вечного огня.
И нами
песни мужества пропеты.
И нам
виски покрыла седина...
В святом, прекрасном
имени Победы
и наши укрепились имена.

Моцарт

Превыше всех плеяд
его звезда блистала.
Но прерван звукоряд.
И Моцарта не стало.

Заломлены пургой
ночных дерев вершины
над тайной роковой
безвременной кончины.

Теперь он вне потерь,
находок и эмоций...

Теперь он – дух.
Теперь
он – небожитель,
Моцарт.

Теперь он вне забот,
в потусторонней сфере.
И... тайно принесет
ему цветы Сальери.

Сквозь изгородь пройдет,
к могиле прокрадется.
И сторож у ворот
смертельно ужаснется...

Книги

С каким восторгом
до прихода ночи
еще одна прочитана глава.
Уверен я:
и книги на жилплощадь
должны иметь
законные права.
Без книг-друзей
пуста моя квартира.

И крыша –
как надгробная плита.
Ужель ты нищ,
читающий Шекспира!
Да ты ли с Блоком –
круглый сирота!
«Война и мир»!
А пушкинские строки!
И тот...
еще непризнанный поэт!
Я никогда
не буду одиноким,
покуда книги
населяют свет.

* * *

О, если б можно яблоком моченым
снять горечь с губ.
Душа моя черна...
Но слава богу –
на земле еще мне
единственная женщина верна.
Она моя.
Душой верна и телом,
все годы лучшие со мной сожгла.
Святая боль в глазах перекипела.
Из сердца только, может, не ушла.
Она – одна.
И вправе быть любимой,
Делить печаль и радость заодно.
Она моя.
И, значит, не рабыней –
рябиной красной быть ей суждено.
Она моя –
и тем уже прекрасна,
порой нежна,
порою холодна...
Ее лишь штопке
до сих пор подвластна
судьбы моей дырявая сума.

* * *

Ну вот!
И ты прощен,
невыбранный,
усталый.
А женщина еще
и слова не сказала.
Терзал напрасно страх
тебя при возвращенье.

А вдруг в ее глазах
ты не найдешь прощенья?
Он был, твой грех, тяжел,
в душе заморосило...
Друг стороной прошел.
А женщина простила.
Не бросила упрек,
едва собой владея.
Переступить порог
позволила злодею.
Как прежде, не бела,
губами поостыла.
Но мыло подала
и супом накормила.
Ты по ветру пустил
всё то,

что раньше было.
И бог бы не простил.
А женщина простила.

* * *

Разве забудется в жизни моей
снег сорок третьего года. Теплушка.
Ватник с чужого плеча. И горбушка...
Сказано: мир не без добрых людей.

С тенью печали земной на челе
малую милость прошу у природы:
Боже! Даруй же им долгие годы,
людям, творящим добро на земле.

В памяти века (не ласков же он!),
в памяти поля, калинушки красной
больше останется добрых имен.
Ими, бесспорно, жизнь и прекрасна.

Нет, не склонил мое сердце злодей
в самые мрачные годы ко злобе.
Кланяюсь низко судьбе: повезло мне
в дальней дороге на добрых людей.

Добрые люди живут без прикрас:
боль, сострадание, теплое слово –
это и есть аварийный запас
ныне живущего рода людского.

В мире любви и... опасных затей –
коим всегда надлежит быть в запрете

больше значительно добрых людей.
Ими и держится жизнь на планете.